

Лега В.П.

История западной философии

ФОМА АКВИНСКИЙ

Жизнь и произведения

Однако решающую роль в ассимиляции аристотелевских идей католической церковью принадлежит другому доминиканскому монаху — Фоме Аквинскому. Он родился в 1225 или 1226 году и умер 7 марта 1274 года. Родился в Неаполитанском королевстве, в замке Роккасекка близ городка Аквино. Отец Фомы Аквинского был знатный феодал, рыцарь. С пяти лет Фома учится в бенедиктинском монастыре в Монте-Кассино до 14 лет. После этого некоторое время учится в Неаполе, и у Фомы Аквинского растет желание постричься в монахи. Родители препятствуют, был даже серьезный семейный скандал, его заключают в домашнем заточении. Фоме Аквинскому предлагали должность аббата Монте-Кассино, но он отказывается. В конце концов он становится монахом и доминиканцы посылают его учиться в Парижский университет.

В 1245 году после годичного пленения дома, он едет в Париж и слушает в Парижском университете Альберта Великого до 1248 года. Альберт Великий замечает талантливого ученика, направляет его в Кельн, и там они вместе основывают центр по изучению теологии. Еще 4 года Фома Аквинский учится в Кельне у Альберта Великого, после этого едет в Париж в 1252 году, где преподает до 1259 года. Папа Урбан IV вызывает Фому Аквинского в Рим, где он живет до 1268 года и преподает в доминиканских школах Италии. В 1269 он опять едет в Париж. Поскольку в это время в Париже аверроисты во главе с Сигером Брабантским приобрели достаточно сильное влияние, то Фома Аквинский получает послушание от доминиканского ордена это псевдоаристотелевское учение разоблачить и построить истинно католическое аристотелевское учение.

В Париже Фома Аквинский живет до 1272 года, когда он опять возвращается в Неаполь. В 1274 году Фома Аквинский отправляется на знаменитый унияцкий собор в Лионе, но по дороге умирает. В 1323 году Фома Аквинский канонизирован. Прозвище Фомы Аквинского — “ангельский доктор” (doctor angelicus).

Фома Аквинский написал большое количество работ, трудолюбие его и плодовитость ни с чем несравнимы. Среди его работ можно выделить комментарии к различным книгам Библии, к “Сентенциям” Петра Ломбардского, к книгам Боэция, к “Божественным именам” Дионисия Ареопагита, к книге “О причинах” Прокла и к работам Аристотеля. Вышла полемика в Парижском университете времен борьбы с аверроистами под названием “Спорные вопросы” и небольшие философские трактаты: “О существовании и сущности”, “О вечности мира против ворчунов” (под ворчунами подразумеваются августинианцы), “О единстве разума против аверроистов”. Заглавие отсылает нас к работе Альберта Великого “О единстве разума против Аверроэса”.

Особо можно выделить две знаменитые работы Фомы Аквинского. Первая — “Сумма истины католической веры против язычников”, из четырех книг. Три книги носят философский характер, поэтому работа часто называется “Сумма философии”, или “Сумма против язычников”. Вторая фундаментальная работа — “Сумма теологии”. Она написана им в последние годы жизни и считается неоконченной. В этих работах, в “Сумме против язычников” и “Сумме теологии”, Фома Аквинский показал во всем блеске свой знаменитый схоластический метод.

Предмет философии

Фома Аквинский практически все проблемы, которые он начинает исследовать, начинает с того, что излагает все возможные точки зрения, в том числе и нелицеприятные для католической церкви. В этом плане у него существует строгая схема: начинается как бы тезис: “Говорят, что...”, и далее излагается точка зрения, неприемлемая для католической церкви. Потом Фома Аквинский излагает существующее возражение: “Однако, существует мнение, что...”, и далее излагается известное возражение. После этого Фома Аквинский суммируя данные возражения, добавляя к ним свои, излагает истинный взгляд по данному предмету, и после этого этот истинный взгляд излагает в форме силлогизма так, что данный взгляд приобретает в глазах читателя положение абсолютно доказанной истины.

Этот метод Фомы Аквинского надолго устоит в западном схоластическом мире, и эта строгость к мышлению перейдет через схоластику и в философию нового времени. Отголоски этой философии мы увидим и в философии Декарта, и философии Спинозы, у которых ясность и точность будут считаться

основными критериями истины философии. Основные проблемы для Фомы Аквинского, как он пишет об этом в самом начале “Суммы теологии”, делились на три основные направления. В первую очередь это Бог, первый предмет философии, который составляет общую метафизику. Второе направление философии — это движения разумных сознаний к Богу, т.е. этическая философия. И третий раздел — это Христос как путь, ведущий нас к Богу, т.е. учение о спасении.

Философский аспект имеют первые два раздела, поэтому мы на них и остановимся. Вопрос об отношении богословия и вообще религии к философии как науке был для того времени наиболее острым. Мы помним, как решил этот вопрос современник Фомы Аквинского Бонавентура, включившего науки в общую картину богопознания, когда наука существует для того, в частности, чтобы познавать и славить Бога. Примерно ту же роль научного познания видит и Фома Аквинский.

Фома повторяет за своим предшественником Петром Дамиани знаменитую формулу, что философия есть служанка богословия. Наука и философия существуют не для самостоятельных своих целей, а для того, чтобы помогать людям усваивать истины христианской религии. Богословие является самодостаточным знанием, самодостаточной наукой, но некоторые истины человеком могут быть усвоены при помощи не богословского знания, а естественно-научного и философского. Поэтому богословие использует философию и науку, чтобы более доходчиво, наглядно, убедительно показать человеку истины христианского учения. Это — следствие того, что человек имеет несовершенный ум, который не может привести человека непосредственно к богопознанию, для этого есть предварительные ступени.

Фома Аквинский разделяет богословие и науку по разным принципам. Теология черпает свое знание из откровения, а науки — из чувств и разума. Предмет у теологии и философии один, различны лишь методы познания. Науки бывают высшие и низшие. Высшая наука — та, которая черпает свои знания из некоторых общих принципов, а низшая основывается на высшей науке. Из наук естественных к высшим наукам относятся арифметика и геометрия, поскольку они основываются на некоторых очевидных аксиомах. Среди низших Фома отмечает, например, теорию перспективы, основанную на геометрии основаны, и теорию музыки, основанную на арифметике. Такая же классификация приводится Фомой Аквинским и в отношении богопознания. Есть высшая наука, но этой наукой владеет лишь Бог. Только лишь Бог знает Сам Себя полностью и совершенно. И есть наука низшая, основанная на божественном знании, эта наука — богословие. Богословие черпает свои положения из высшей науки, откровения, но поскольку человек не может своим умом постигнуть Бога, то основные принципы, которое берет богословие, это принципы, которые сам Бог дает нам в Своем откровении. Поэтому богословие черпается из божественного откровения, в первую очередь из Священного Писания.

Хотя предмет у наук и теологии один, но метод, которым изучается и исследуется этот предмет, разный. Поэтому не запрещается, чтобы теология и наука исследовали один и тот же предмет, но разными методами. Так Фома Аквинский приводит такое сравнение: земля может исследоваться и астрономом и физиком. Однако если астроном исследует землю, используя метод арифметический, математический, то физик использует метод рациональный и метод чувственного познания. Но это не означает, что результаты, которых достигнут эти ученые, будут отличаться по своей истинности. Наоборот, они будут друг друга дополнять, и если между ними возникает противоречие, то следует отдавать предпочтение более высшей науке перед низшей.

То же самое можно видеть и в отношении истин, которые постигаются в богословии. Поскольку предмет богословия и философии один и тот же, лишь методы разные, то предметы, с которыми имеет дело богословие, могут быть доказаны. Т.е. и философия и теология могут размышлять о Боге, используя разный метод. Богословие использует метод откровения, а философия — метод рационального познания, и философия благодаря своим методам может доказать истинность некоторых положений христианской религии. К таким истинам относится факт существования Бога, бессмертие души, сотворение мира, единство Бога, единичность Бога. Однако божественное знание и божественная природа настолько превышают человеческие способности, что и здесь существует предел. Так что философия не может доказать существование Пресвятой Троицы, воплощения Иисуса Христа, искупление Иисусом Христом человеческих грехов, грехопадение и многие другие догматы, которые не могут быть доказаны, но познаются лишь верой.

Из этого не следует, что эти догматы противоразумны. Наоборот, поскольку многие положения христианства могут быть доказаны, а многие — не могут, то говорит это о том, что эти догматы не противоразумны, а сверхразумны. Они не противоречат разуму, а превосходят его. Поэтому наука не противоречит религии, а если и возникает кое-где противоречие некоторых научных положений христианским догматам, то, памятуя о том, что философия есть служанка богословия, мы должны отдавать предпочтение христианству перед наукой. Таким образом, наука не отвергается Фомой Аквинским. Наука приобретает подчиненную роль, причем эта роль такова, что теология всегда может контролировать истины, которые открываются наукой. Если эти истины противоречат христианским положениям, то церковь должно поправить науку и указать ей на более истинную точку зрения.

Отличие философского метода от богословского состоит в том, что философ и богослов по-разному идут к предмету своего исследования. Если богослов принимает бытие Бога за очевидную данность и исходя из этой очевидной данности спускается к чувственному миру и объясняет все явления мира, то философ, наоборот, идет не от более очевидного по сути, как богослов, а от более очевидного по познанию. Более очевидным по познанию является то, что окружает человека в этом мире. Поэтому философ идет от факта существования чувственного мира и затем восходит далее и далее к вершине, к цели существования и познания, к Богу. Поэтому задача философа состоит в том, чтобы правильно показывать и доказывать существование Бога исходя из данных чувственного мира, т.е. философия является прежде всего естественной теологией.

Доказательства бытия Бога

Доказательства бытия Бога, таким образом, становятся одним из основных предметов философии. Фома Аквинский предлагает пять доказательств бытия Бога. Все эти доказательства носят космологический характер, т.е. доказательства от мира к Богу. Эти доказательства возможны, поскольку, как говорит Фома Аквинский, все в мире связано причинно-следственной связью. Поэтому если мы видим только лишь следствия, но не видим ее причины, но знаем, что ничто не бывает без причины, то, видя следствие, мы можем заключить о существовании его причины и, познав следствие, можем познать некоторым образом причину.

Фома Аквинский сразу же отвергает онтологическое доказательство существования Бога. Отвергает его по следующей причине: заключать от разума, от понятия к бытию, в принципе правомочно, однако мы не можем делать вывод о бытии Бога, потому что бытие Бога отличается от нашего бытия. Во-первых, бытие Бога превосходит наше бытие, а во-вторых. Бог обладает бесконечным количеством атрибутов. Поэтому для того, чтобы разум имел возможность прийти к бытию Бога, обладающего бесконечным количеством атрибутов, то этот разум должен быть также бесконечным. Человеческий разум, увы, не бесконечен, поэтому онтологическое доказательство бытия Бога доступно лишь для Самого Бога. Для человека это не доказательство.

Опровержение онтологического доказательства Фомой Аквинским сыграло и некоторую социальную роль. Дело в том, что в то время в западном католическом мире весьма были популярными различные еретические гностические учения, отрицавшие необходимость церкви для спасения человека и познания Бога. И онтологическое доказательство, по мнению Фомы Аквинского, могло оттолкнуть человека от церкви, показать ему, что возможно богопознание и богоуподобление через свою собственную душу, через свое познание.

Фома Аквинский предлагает пять других доказательств. Практически все они восходят к Аристотелю. Первое доказательство бытия Бога — кинетическое. Я зачитаю, чтобы легче было понять, как Фома Аквинский использует аристотелевские идеи и аристотелевскую терминологию.

“Первый и наиболее очевидный путь исходит из понятия движения. В самом деле, не подлежит сомнению и подтверждается показаниями чувств, что в этом мире нечто движется. Но все, что движется, имеет причиной своего движения нечто иное. Ведь оно движется лишь потому, что оно находится в потенциальном состоянии относительно того, к чему оно движется. Сообщать же движение нечто может постольку, поскольку это находится в акте. Ведь сообщать движение есть ни что иное, как переводить предмет из потенции в акт. Но ни что не может быть переведено из потенции в акт иначе, как через посредство некоторой актуальной сущности. Так, актуальная теплота огня заставляет потенциальную теплоту дерева переходить в теплоту актуальную и через это приводит дерево в изменение и движение. Невозможно, однако, чтобы одно и то же было одновременно и актуальным и потенциальным в одном и том же отношении. Оно может быть таковым лишь в различных отношениях. Так, то, что является актуально теплым, может быть одновременно не потенциально теплым, но лишь потенциально холодным. Следовательно, невозможно, чтобы нечто было одновременно в одном и том же отношении, и одним и тем же образом и движущим и движимым, иными словами, было бы само источником своего движения. Следовательно, все, что движется, должно иметь источником своего движения нечто иное. Следовательно, коль скоро движущийся предмет и сам движется, его движет еще другой предмет и т.д. Но невозможно, чтобы так продолжалось до бесконечности, ибо в таком случае не было бы Перводвигателя, а следовательно, и никакого иного двигателя, ибо источники движения второго порядка сообщают движение лишь постольку, поскольку сами движимы первичным двигателем. Как посох сообщает движение лишь постольку, поскольку сам движим рукою. Следовательно, необходимо дойти до некоторого Перводвигателя, который сам не движим ничем иным, а под ним все разумеют Бога”.

Достаточно длинная и насыщенная аристотелевскими рассуждениями цитата, которая можно сформулировать более кратко. “Поскольку все, что движется, приводится в движение чем-то еще, то должен необходимо существовать некий перводвигатель”. Но для этого сначала необходимо доказать

первое положение, что все, что движется, приводится в движение чем-то другим. Фома Аквинский доказывает это положение, используя аристотелевский принцип о невозможности быть и не быть одним и тем же, т.е. движущимся и приводящим в движение. А с другой стороны, необходимо доказать и существование перводвигателя, и это Фома Аквинский также доказывает. Доказывает тем, что необходимо некоторое движущее начало, само недвигающееся, как это говорит и Аристотель.

Насколько истинно это доказательство, каждый из вас может судить сам. В католической церкви эти пять доказательств бытия Божия фактически канонизированы и считаются обязательными для каждого верующего католика. Но мы должны относиться к этим доказательствам более осторожно и трезво, поскольку уже сейчас понятно, что аристотелевская физика в 17 веке отошла в область истории. Положение о том, что все, что движется, обязательно приводится в движение чем-то другим, современная физика рассматривает не иначе, как только исторический факт. Понятие “движение по инерции” никак не вписывается в это аристотелевское положение, поэтому если мы будем основывать свою веру в Бога лишь на доказательствах, то рано или поздно, наука сможет это доказательство опровергнуть.

Поэтому доказательства доказательствами, а вера, конечно, должна быть свободной, не ограниченной никакими доказательствами. Но Фома Аквинский тоже не уповал на одни доказательства. Как мы помним, философия у него — лишь служанка богословия, она лишь помогает человеку прийти к Богу. Если для кого-то это доказательство помогло — хорошо, человек находится на пути к спасению.

Второе доказательство исходит из производящей причины и гласит, что все, что в мире происходит, происходит благодаря причинно-следственной связи. Но поскольку причина не может быть одновременной со своим следствием, она всегда предшествует следствию, то причина и следствие всегда отделены друг от друга. Следовательно, весь ряд причин, весь ряд событий в мире должен иметь некоторую первопричину. Этой причиной и является Бог.

Третье доказательство — доказательство от случайности и необходимости. Все, что существует в мире, утверждает Фома Аквинский, может существовать, а может и не существовать. Следовательно, и весь мир может существовать, а может и не существовать. Если этот принцип будет действительным, то наш мир рано или поздно станет несуществующим. А если мы предположим, что мир существует сам по себе, т.е. вечно, то этот факт несуществования мира рано или поздно должен был бы уже наступить. Но поскольку мир все же существует, следовательно, не все в мире случайно, есть некоторая необходимость, абсолютно необходимая сущность, которая и обеспечивает бытие этого мира. Этим необходимым существом и является Бог.

Четвертое доказательство — от степеней совершенства. Человек в своем познании мира видит различные степени совершенства. Он видит одни вещи более совершенными, другие — менее совершенными. Но такое сравнение вещей по степеням совершенства возможно лишь тогда, когда в человеке есть понятие о некотором абсолютно-совершенном существе, когда существует это абсолютно-совершенное существо. Поэтому есть нечто, в предельной степени обладающее истиной, совершенством, благородством, и, следовательно, бытием. “Ибо то, что в наибольшей степени истинно, в наибольшей степени и есть”, как сказано во второй книге “Метафизики”, глава 4”, — цитирует Фома Аквинский.

Фома Аквинский цитирует Аристотеля не просто как одного из философов, а как наивысший авторитет, чтобы подкрепить свою аргументацию. Такое отношение к Аристотелю удивительно, если вспомнить, что прошло всего несколько лет после того, как Фома Аквинский получил задание, послушание от своего ордена усвоить аристотелевскую философию в христианство. И вот Фома Аквинский уже часто пишет не “Аристотель”, а “Философ”. Удивительна та смелость, даже дерзость, с которой он использует аристотелевские положения. В число тезисов, в которых осуждались положения Сигера Брабантского, как мы помним, были помещены и некоторые положения Фомы Аквинского, однако Фома не изменил своего мнения, и католическая церковь признала, что в данном случае он был прав.

И пятое доказательство — от божественного руководства миром. Наблюдения за миром показывают, что все процессы в мире происходят с какой-то целью. Как человеческие поступки имеют какую-то цель, то имеется и некоторая цель, ради которой существует этот мир, и эта цель есть Бог.

Метафизика

О Боге Фома Аквинский говорит во многом то же самое, что и предшествующие отцы Церкви. Так, в частности, Фома много повторяет “Ареопагитики”, что сущность Бога скрыта, о Нем невозможно ничего знать, поэтому лучше о Боге говорят отрицательные определения. Но мы можем знать кое-что о Боге благодаря усилению до бесконечности некоторых положительных Его атрибутов.

В отношении позитивных характеристик катафатического богословия Фома Аквинский говорит, что поскольку Бог вечен, то Он недвижим; поскольку в Боге нет никакой пассивной потенциальности. Бог

есть чистая актуальность, чистое действие, следовательно. Бог никогда не преходит. Он нетленен. Поскольку Бог прост и един, следовательно. Он не имеет никакой сложности, следовательно. Он не есть тело. Таким образом, свою метафизику Фома Аквинский почти целиком заимствует у Аристотеля. Однако это заимствование не означает полного совпадения взглядов Фомы и Аристотеля. Ибо если главной целью познания Аристотеля было научное познание мира, то главной целью Фомы Аквинского является познание Бога.

Фома Аквинский согласен с Аристотелем и Платоном, что человеку доступно познание лишь общих сущностей. Единичное, индивидуальное бытие, конкретный предмет познанию недоступен. Платон в учении об идеях и Аристотель в учении о формах утверждали, что познанию доступно лишь общее. Об индивидуальном предмете возможно лишь мнение, а не истинное знание. С этим согласен и Фома Аквинский, утверждавший, что то общее, о котором существует у нас знание, проявляется в конкретных индивидуальных вещах в виде их сущности, эссенции. Эта сущность есть у всего, у каждого индивидуального предмета, у каждой экзистенции. Сущность вещи, эссенция, по Фоме Аквинскому, так же, как по Аристотелю, есть то, что выражено в его определении. Поэтому, давая определение вещи, мы познаем ее сущность, но сущность еще не означает существование вещи. Сущность и существование совпадают лишь в Боге, только Бог является таким существом, в котором из сущности вытекает существование. Это совпадение достигается в Боге потому, что Бог прост. Чувственный же мир непрост, и поэтому сущность отделена от существования. В силу этого факта необходимо причастие вещей некоторой сущности. Следовательно, сама сложность нашего мира говорит о том, что должна существовать некоторая простая сущность, которая и обеспечивает существование нашего мира.

Поскольку Бог прост и есть своя собственная сущность, то поэтому Его и нельзя определить. Таким образом, Фома Аквинский как бы подводит логическое основание под отрицательную, апофатическую теологию. Сущность вещи, которую мы познаем в определении, конкретизируется и познается нами в форме. Форма выражает познаваемость вещи, выражает ее общее содержание, ее родовую сущность, а индивидуальность конкретному предмету придает материя, материальное начало. Поэтому единственная вещь есть всегда единство формы и материи. При этом действующим началом является лишь форма, а материя является абсолютно пассивным началом.

Мы помним, что у Аристотеля приблизительно так же взаимодействуют форма и материя. Однако Аристотель представляется в этом случае менее последовательным, чем Фома Аквинский, ибо, утверждая, что материя является пассивным началом, Аристотель утверждает вечность первоматерии. Фома поправляет Аристотеля и говорит, что если материя пассивна, то она не может обладать самостоятельным бытием. Бытие у материи должно быть также приходящим, т.е. материя должна быть сотворена Богом.

Бог творит и материю и форму. Формы бывают материальными, соединенными с конкретными вещами, и нематериальными, бестелесными. Не обошел Фома Аквинский и знаменитую проблему универсалий. Как и во многих положениях, он старался положить конец бесконечным спорам. В вопросе об универсалиях Фома Аквинский высказывался так же, как Ибн-Сина. Существуют три рода универсалий. Во-первых, универсалии существуют в самих вещах, *in rebus*. Эти универсалии, существующие в вещах и составляют сущность этих вещей. Это есть непосредственная универсалия. Универсалии существуют и в человеческом уме, который, т.е. ум, путем абстракции извлекает при помощи активного ума универсалии из конкретных вещей. Т.е. универсалии существуют и после вещей, *post res*. Эти универсалии Фома называет “мысленные универсалии”. Но, кроме того, универсалии существуют и в божественном уме, до вещей, *ante res*. Эти универсалии и есть идеи, или первоначальные формы, содержащиеся в божественном уме, и только лишь Бог является первопричиной всего сущего, только Он мыслит в Себе образцы всех вещей. Таким образом, Фома Аквинский примиряет позиции и реалистов, и номиналистов, и концептуалистов, утверждая, что универсалии существуют и в Божественном уме, до вещей, и в самих вещах, и после вещей, т.е. в человеческом уме.

В то время благодаря усилиям латинских аверроистов была популярна проблема о том, познает ли Бог материальный мир. Понятно, что эта проблема имеет не только чисто философский интерес, но и интерес аскетический, интерес нашего спасения. Потому что если Бог не познает наш мир, не познает индивидуальные предметы, то Он не знает и каждого конкретного человека, поэтому бессмысленны какие-либо действия человека, бессмысленна и молитва, бессмысленно и само существование Церкви в этом мире.

Фома Аквинский рассматривает, как и всегда, доводы в защиту тезиса аверроистов о том, что Бог не познает мир. Во-первых, утверждают аверроисты, единичное — материально, поэтому не может быть познано ничем нематериальным. Далее, единичные вещи не вечны, они существуют не всегда, поэтому их не может познать вечное существо. Следующий аргумент аверроистов: единичные вещи случайны, поэтому познание их возможно лишь тогда, когда они существуют, а когда они не существуют, знание о них невозможно. Некоторые вещи существуют потому, что они созданы конкретным человеком, поэтому как может знать Бог, что известно одному лишь этому человеку? Число вещей бесконечно, а

бесконечное — непознаваемо (аристотелевский аргумент). Конкретные вещи слишком ничтожны и не заслуживают внимания Бога. Некоторые эти предметы заключают в себе зло, а Бог не может познавать то, чего в Нем нет, т.е. зло.

Фома подробно останавливается на этих аргументах и утверждает, что Бог познает единичные вещи, материальные вещи в качестве причины этих вещей, поэтому, будучи нематериальным, познает материальное. Вечное существо может познать невечные предметы, как ремесленник. Бог познает невечные предметы, как творец, который творит из вечности нечто невечное. Бог существует вне времени и поэтому видит каждую вещь, как если бы она существовала всегда. Бог знает волю каждого человека, поэтому Ему известны все предметы, созданные любым человеком. Бог может познать бесконечное, Божественный разум отличается от человеческого. В мире нет ничего всецело ничтожного, потому что все создано Богом, и поэтому все в некоторой степени несет в себе идею благодати. И если что-то включает в себя зло, то это зло существует лишь потому, что существует добро. Поэтому познание зла предполагает познание добра, поэтому и зло также известно Богу.

Фома Аквинский, конечно же, разделяет августинианское и общехристианское учение о том, что все в мире совершается по Божественному промыслу. Единственное, что Фома не разделяет в учении Августина, это то, что Бог все совершает своей собственной волей. Многие события совершаются не непосредственно Божественным вмешательством, а посредством или других волей, т.е. человеческих, или посредством некоторых других естественных причин. К числу этих причин относятся и некоторые физические законы. Бог устанавливает эти законы и потом эти законы являются естественными причинами для происходящих на земле событий.

Фома Аквинский разделяет учение Аристотеля о четырех причинах, но вносит в него существенные коррективы. Говоря о материальной причине, Фома не согласен с положением Аристотеля о вечности первоматерии. По Аристотелю, первоматерия абсолютно пассивна, является чистой возможностью, не имеет в себе никакого формального начала и потому никакой способности к действию. Фома Аквинский видит противоречие в том, что первоматерия абсолютно пассивна и является абсолютной возможностью, с одной стороны, и что она существует вечно — с другой. По Фоме Аквинскому, невозможно представить себе, чтобы абсолютно пассивная первоматерия существовала вечно, ибо существовать вечно — это значит существовать самостоятельно, что подразумевает некоторую способность к действию. Если первоматерия абсолютно пассивна, то она не имеет в себе способности к существованию, а значит должна получить ее не от себя, а от чистой действительности, каковым является Бог. Поэтому первоматерия, по Фоме Аквинскому, должна быть сотворена Богом.

Творя материю. Бог творит ее всю сразу Своей доброй волей, а не вследствие Своей природы (возражение против учения об эманации, которая предполагает, что Бог не может не творить и это является Его способностью), однако воля Бога, по Аквинскому, не противоречит разуму Бога. Бог един. Он прост, и поэтому воля и разум Бога есть, собственно, одно и то же. Творя материю. Бог не может творить ее в противоречии с некоторыми разумными установками. В частности, творя мир. Бог не может нарушить закон непротиворечия, или, как указывает Аквинский, Бог не может превратить человека в осла, потому что это противоречит собственным замыслам Бога.

Развивая эту мысль, Фома говорит о том, что Бог не может сделать многое, ибо в таком случае воля Бога вступала бы в противоречие с разумом Бога. Бог не может, говорит Фома, изменить сумму углов треугольника, сделать бывшее небывшим, изменить Себя, уничтожить Себя, лишить человека души, сотворить другого Бога, впасть в грех и т.д.

Бог не только творит мир, но и всегда управляет им. Все в мире подчинено Божественному промыслу. Фома Аквинский не деист, каковыми будут многие ученые и философы 17 века, к чему склонялся и Аристотель, говоря о том, что Бог сообщает миру первотолчок, а далее в дела мира не вмешивается. Эту же деистскую концепцию исповедовали и латинские аверроисты, утверждая, что Бог не вмешивается в дела мира. Однако Фома возражает и Августину, который утверждал, что Бог непосредственно управляет всем миром и всеми событиями в нем. По Аквинскому, существует иерархия законов, иерархия сил, и в конце концов все сводится к высшему закону Бога, к высшей причине. Существуют естественные причины, и Бог действует через них. Но есть в каждом человеке и человеческие свободные причины, и Бог может

управлять миром посредством воздействия на человеческую волю, но это воздействие не противоречит свободе человека, так же как и воздействие Бога на тела не противоречит тому, что эти тела подчиняются естественным закономерностям мира. Поэтому Бог творит мир и управляет миром посредством Им же созданных законов, которые являются содержимым Божественной мысли, содержатся в уме Бога.

Сам мир Фома Аквинский понимает во многом так же, как и Аристотель, считая, что наш мир единственный, ограничен в пространстве, а не бесконечен, не однороден в пространстве, а имеет строгую иерархию. Мир иерархизирован и с точки зрения пространства, и с точки зрения бытия — от

абсолютно действительного бытия Бога до материи как чистой возможности. Эта абсолютная иерархизированность мира как бытия предполагает и наличие в мире некоторого несовершенства. Именно это несовершенство по сравнению с Богом и кажется людям злом. Однако зло есть лишь видимость, которую мы постигаем по сравнению с добром. Зло существует в добре, поскольку все существует в Боге, а Бог есть высшее благо, поэтому и зло существует в добре; и в той мере, в какой оно существует, зло также есть благо. Абсолютного зла — зла как носителя самого себя, как некоей субстанции — не существует, ибо таковое зло разрушило бы само себя.

Учение о человеке

Серьезную проблему для христианского богословия во все века представляла проблема человека. Вслед за тем как Августин ассимилировал платоновскую философию в христианство, стали считать, что сущность человека есть его душа. Однако христианство никогда не рассматривало человека именно в платоновской традиции — что тело есть оковы души, могила души. К каким следствиям для практической жизни человека может привести этот тезис, мы знаем из жизни Платина, который жил так, словно стыдился своего тела. Для христианина тело так же ценно, как и душа, и человек должен прославлять Бога и в теле своем, и в душе своей. Для каждого христианина несомненно, что в день Страшного суда воскреснет каждый человек в его целостности — не только душа, но и тело.

Такая уверенность не совмещается с платоновским учением о душе как сущности человека. Поэтому Фома Аквинский вновь обращается к учению Аристотеля, которое, по мнению Фомы, гораздо более соответствует христианскому учению, чем платоновское, ибо, по Аристотелю, сущность человека — душа, понимаемая как энтелехия тела (т.е. активное начало, превращающая возможность в действительность), поэтому душа не есть нечто отличающееся от тела. Душа есть форма тела, т.е. его энтелехия — завершенность, актуальность. Человек, по Аристотелю и Фоме Аквинскому, есть единая субстанция, поэтому тело и душа не являются различными субстанциями. На таком пути, однако, Фому Аквинского ожидает другая трудность, ибо кроме веры в воскресение во плоти каждым христианином движет и вера в бессмертие его души. Как соединить эти две концепции, казалось бы несоединимые: веру в воскресение из мертвых и веру в бессмертие души?

Еще Альберт Великий обратил внимание на сложность этой проблемы. Он указывал, что душу можно рассматривать как бы двояко: как душу в себе (по Платону), а в отношении к телу — как форму. Понятно, что это решение чисто эклектическое и не соединяет платоновскую и аристотелевскую концепции гармонично.

Фома Аквинский все-таки более склонен к концепции аристотелевской: душа — это форма тела, обладающая жизненным потенциалом, но форма бессмертная. Он вносит существенную поправку к Аристотелю, потому что у Стагирита форма не может существовать вне тела, она может лишь мыслиться отдельно от тела. По Аквинскому, душа — это форма, обладающая субстанциальностью. Явный сдвиг в отношении к платонизму: Фома соглашается с Платоном в том, что своей субстанциальностью человек обязан не чему иному, как душе. Однако душа, будучи субстанцией, обладает своей энтелехией, своей действительностью только в единстве с телом. Поэтому душа, будучи субстанцией, не существует без тела, поэтому полной субстанцией является человек. Душа же без тела, указывает Фома, есть неполная субстанция. Тело — это не оковы души, не могила ее, а необходимое ее дополнение. Природа души такова, что она требует себе тела, чтобы им управлять. Душа есть форма тела, поэтому она актуализирует это тело, сообщает единство человеку и пребывает во всем теле целиком; нельзя сказать, что душа находится в каком-то одном органе.

Душа требует себе тела, поскольку одной из сущностей ее является жизненное начало. Не зря под живым существом всегда понимают существо одушевленное. Быть одушевленным и быть живым, утверждает Фома, это одно и то же. Душа есть жизненное начало, а оно не может существовать без того, чтобы вносить жизнь в косную материю, поэтому душа не может существовать без тела.

Главное проявление жизни — это движение и познание. Поэтому душа, одушевляя тело, не является телом, т.е. душа не есть материальная субстанция, но есть энтелехия (завершенность) тела. Душа не вечна. Бог творит душу для каждого конкретного человека. Душа творится Богом для конкретного тела и всегда соразмерна ему, т.е. душа есть энтелехия именно данного тела. Поэтому душа не утрачивает своей индивидуальности и после смерти тела, она остается индивидуальностью, приспособленной для конкретного тела. Душа может существовать отдельно, но это существование является ущербным, неполным, ибо душа без тела есть неполная субстанция. Душа без тела живет неполной жизнью в ожидании Страшного суда и всеобщего воскресения из мертвых, и тогда душа, предназначенная для конкретного тела, вновь обретет это тело и человек вновь станет целокупной субстанцией.

Теория познания Фомы Аквинского также во многом построена на теории познания Аристотеля. Поскольку душа есть форма тела, а познает человек не индивидуальное, а общее, т.е. то, что является формой тела, то и душа может познавать этот мир. Если бы в материальном мире не было никакой формы, никакого формального начала и мир был бы полностью материальным, то не было бы и никакого познания, т.к. познание возможно лишь путем познания подобного подобным. Душа нематериальная может познавать в мире только нематериальное. Таким нематериальным в мире является формальное начало.

Познание всегда начинается с чувственного познания. Фома Аквинский произносит фразу, которая стала впоследствии, особенно в 17 веке, популярной, особенно среди философов-материалистов: “Нет ничего в уме, чего первоначально не было бы в чувствах”. То есть все, что человек знает, приходит в ум через органы чувств.

Мы помним, как активно Платон аргументировал против этой сенсуалистической теории познания, утверждая, что она уводит к материализму и релятивизму софистов от познания истины. Фома не разделяет этого платоновского пафоса, считая, что чувства действительно играют активную роль в познании. Однако чувства познают лишь единичное и потому не дают того истинного знания, которое дается умом, интеллектуальной способностью человека, которая, не будучи актом какого-то телесного органа, познает не индивидуальное, не единичное, а сущностное начало материи. Это начало абстрагируется умственной способностью от материи. Мы помним, что универсалии, по Фоме Аквинскому, существуют и в вещах, и после вещей, т.е. в уме.

Органы чувств Фома рассматривает не как нечто однородное. Они отличаются по степени истинности. Ниже всего стоит осязание, а далее идут вкус, обоняние, а выше всего слух и особенно зрение как дающее наиболее совершенное чувственное познание. После того как человек при помощи чувств получает информацию о единичных конкретных вещах, в органах чувств возникают единичные чувственные образы, ибо сам предмет в душе не присутствует, а присутствует его подобие в чувственных образах. Чувственный образ направляется в сферу действия внутренних чувств (это положение также заимствовано Фомой у Аристотеля). В первую очередь речь идет об общем чувстве, которое соединяет данные от различных органов чувств и дает человеку целостное видение предмета. Затем эта синтезированная картина предмета, этот чувственный образ помещается в памяти, и путем обработки памятью, воображением и разумом происходит полная дематериализация чувственного образа — возникает умопостигаемый образ. Умопостигаемый образ становится объектом для разума.

Фома Аквинский различает пассивный и активный разумы. Пассивный, или возможностный, разум называется так потому, что включает в себя возможность перехода от незнания к знанию. В нашем разуме имеется возможность обладать истиной. Пассивный разум получает информацию от органов чувств, а активный разум обрабатывает эти данные, соединяя их, производя дальнейшую дематериализацию, образуя понятия — те самые универсалии, которые существуют после вещей. Соединяя понятия, человек образует суждения; связывая суждения, человек образует умозаключения и достигает истины.

Таким образом, познание начинается с чувств и включает в себя ту информацию, которая дается через чувства. Понятно, что в конце концов знание имеет нематериальную природу, оно есть знание о тех универсалиях, которые заключены в вещах, но тем не менее человек познает только материальное и только посредством органов чувств. Поэтому познание человека несовершенно (ибо материя всегда мешает человеку познавать общее, будучи принципом индивидуации), в отличие от познания Ангелов, которые познают сущность без материи и схватывают общие, сущностные черты непосредственно и сразу. Бога же человек тем более не может познавать непосредственно; Бог для человека познаваем только через Его творения, через материальный мир. Это еще раз доказывает необходимость доказательств бытия Бога космологического, а не онтологического характера.

Активный разум, при помощи которого человек обрабатывает умопостигаемые образы, существующие в его душе, есть Божественный свет, без которого невозможно познание. Он включает в себя некоторые доопытные, априорные принципы. Благодаря этим принципам человек может познать свою собственную душу, самого себя.

В своем понимании человека Фома Аквинский разделяет и аристотелевское положение о том, что душа человека есть совокупность растительной, животной и разумной частей; Аквинский называет их вегетативной, чувственной и умопостигающей. В отличие от Аристотеля, Фома не видит различия между этими частями, или потенциями души, ибо душа есть субстанциальная форма тела (т.е. она дает бытие, единство телу), а потому, будучи определенным началом, не может иметь в себе несколько начал.

Отличие человека от других животных состоит лишь в том, что душа его может выполнять все три функции: питательную и роста (вегетативную) и сообщать человеку страсти и ощущения (через чувственную душу), и обеспечивать рациональное, разумное познание.

Среди земных существ человеческая душа занимает высшее место, а среди интеллектуальных субстанций умопостигающая душа находится на низшем месте. Душа человека, отличающаяся от Ангелов, не может постигать истину непосредственно; природа души такова, что она познает истину только через чувства, поэтому душа необходимо предполагает и требует себе тела.

Среди возможностей и способностей души Фома Аквинский различает две группы: есть отправления души, которые совершаются без тела (мышление и воля), а есть отправления, которые совершаются только посредством тела (ощущения, рост, питание). Первые (мышление и воля) сохраняются и после выхода души из тела, вторые (способности растительной и животной души) остаются в душе только виртуально, т.е. потенциально, как некая возможность для дальнейшего соединения души с телом после воскресения.

Таким образом, от метафизики, от учения о Боге и творении Фома Аквинский через учение о человеке плавно переходит к учению о спасении человека, о морали, ибо, как мы помним, суть всей философии, по Фоме, сводится к трем проблемам: учению о Боге (общей метафизике), учению о морали (движению разумных созданий к Богу) и учению о Христе.

Этика

Фома Аквинский разделяет все существа в мире на обладающие интеллектом и не обладающим таковым. Существа, которые не обладают интеллектом, всегда реализуют некоторую цель, поставленную перед ними кем-то другим, в конце концов цель, поставленную перед ними Богом. Существа же, имеющие интеллект, всегда реализуют свободно поставленную цель — цель, поставленную самими собой.

В конце концов, все существа реализуют цели — отличие лишь в том, кем эта цель поставлена. А поскольку каждая цель в конце концов предполагает следующую цель, то Фома Аквинский демонстрирует еще раз свое телеологическое доказательство бытия Бога, потому что не существует каких-нибудь абстрактных, отвлеченных целей: цель всегда предполагает другую цель и т.д. до высшей цели. Поскольку человек стремится к цели как к некоторому благу, то высшая цель есть высшее благо, поэтому мораль (т.е. следование человеком к каким-нибудь целям) есть просто частный случай управления Богом нашим миром.

Главный вопрос этики Фомы сводится к вопросу о том, как разумное и свободное творение может двигаться к Богу. То, что весь мир управляется Богом и все существует благодаря Богу, — это очевидно, и задача для человека должна состоять в обратном направлении: чтобы двигаться к своему Творцу.

Человек в жизни совершает различные действия, но не все эти действия являются собственно человеческими. Многие его действия могут быть названы действиями человека как животного: таковы многие страсти. Собственно человеческими являются лишь действия свободные, разумные.

“Свободное” и “разумное” для Фомы Аквинского понятия синонимичные, ибо свободным существом может быть лишь разумное существо. Это положение встречается и у отцов Церкви, например у св. Иоанна Дамаскина. Разумность воли состоит в том, что воля может ставить перед собой некоторые цели. Поэтому мораль для Фомы Аквинского состоит в анализе того, какие цели ставит перед собой человек. Действие морально, если оно свободно; если действие не свободно, а вынужденно, то оно не может считаться моральным. Тем более, если действие не просто свободно, а свободно в своем целеполагании, если человек свободно ставит перед собой какую-нибудь разумную цель. Вся мораль проистекает от высшей цели.

Всякая вещь, и человек в том числе, стремится к благу. Та степень совершенства, которая доступна каждой вещи, есть поэтому мера ее подобия Богу. Все существа, таким образом, стремятся к Богу. Поскольку бытие есть также характеристика совершенства, поэтому все существа стремятся к сохранению своего существования. Низшие существа (животные) стремятся к сохранению самих себя, высшие — к сохранению своего вида и рода; Бог, как наиболее совершенное существо, стремится к сохранению всего. Однако человек отличается от других существ в своем уподоблении к Богу не только тем, что стремится сохранить свое бытие и уподобиться Богу, но и тем, что может наслаждаться Богом. Поэтому Фома ставит вопрос о том, какова природа этого наслаждения, этого блага, к которому стремится человек.

Следуя дихотомической логике Аристотеля, Фома ставит три возможных решения: это благо находится или вне человека, или в самом человеке, или где-то еще. Благо не может находиться вне человека, ибо все возможные блага не отвечают критериям, которые предлагает Фома Аквинский. Так, богатство не дает истинного блаженства, ибо лишь помогает сохранять бытие человека; почести также не есть блаженство, а способствуют ему: слава, власть, другие внешние блага также являются лишь сопутствующими факторами для человеческого блаженства. Поэтому благо не может быть вне человека, и Фома исследует, не может ли благо быть внутри самого человека. Но внутри человека благо не может

быть, потому что благо души не является верховным благом для человека, ибо человеческая душа всегда направлена к какой-либо цели, находящейся вне себя. Но поскольку эта цель не может находиться вне человека, то остается третий вариант — высшее благо может находиться только выше человека. Это высшее благо, высшая цель человека, таким образом, есть всеобщее благо — Бог.

Как достигнуть этого высшего блага? Человек, как известно, имеет всего три способности: чувства, знания и волю. Чувства не могут способствовать достижению блага; воля может лишь испытывать блаженство. Поэтому высшее блаженства достигается лишь посредством интеллектуальной способности, точнее не просто интеллектуальной, а созерцательной, т.е. посредством теоретического разума (вновь вспоминаются аристотелевские категории созерцательного и практического разума). Поэтому к Богу человек может стремиться только своим интеллектуальным началом, своим разумом. Но разум конечен, несовершенен и ограничен и поэтому не может сам познать Бога. Стремиться к Богу и в конце концов познать Бога человек может только при помощи Самого Бога. Разум должен быть освящен Божественным вмешательством, человек должен получить благодать от Бога, чтобы познать Его. Именно такова жизнь святых, жизнь подвижников, именно такова конечная цель человека. Поэтому и составляет неразрывное единство мораль в этой жизни как единство всех способностей человека и высшее блаженство в жизни загробной. Поэтому и достигается такая непрерывность между нравственной жизнью на земле и блаженством человека во Царствии Небесном.

Нравственным может быть лишь существо свободное. Существо, не имеющее свободы, не может считаться нравственным, потому что от такого существа нельзя требовать ответственности за его поступки. А поскольку цели может ставить только разумное существо, то свобода может быть лишь у разумного существа, ибо свободным может быть лишь тот, кто имеет знания о своей цели. Здесь Фома Аквинский опирается на положения, высказанные не только Аристотелем, но и повторенные впоследствии Иоанном Дамаскиным и Григорием Нисским.

Человек свободен настолько, что насилия над его свободой не может совершить никто — даже Бог. Бог может изменить характер действия человека, но не может отменить саму свободу человека, ибо, отменяя свободу человека. Бог изменяет его природу и человек перестает быть человеком.

Может ли человек сам отменить свою собственную свободу? Фома Аквинский строго придерживается сократовского принципа связи нравственности и знания, поэтому для него важно исследовать, может ли незнание каким-то образом воздействовать на свободу человека, а через нее и на его нравственность.

Незнание, по Аквинскому, может находиться в трояком отношении к его свободному действию: оно может сопутствовать воле, поступку, может следовать за поступком, а может и предшествовать поступку. То есть человек может совершать какой-то поступок и одновременно не знать о том, что он делает. Скажем, человек, как пишет Фома, может целиться в оленя, но убить вместо него кого угодно и не знать об этом (поступок сопутствует незнанию). Поступок может следовать за незнанием: человек делает нечто по абсолютному неведению не только в момент поступка, но и до совершения его. Бывает и так, что человек знает, что он делал, но пытается оправдать свой грех тем, что якобы не знал того, что будет делать.

В первых двух случаях свободы нет, а в третьем случае свобода сохраняется, поэтому сохраняется и ответственность.

Человек всегда стремится к благу. Для Фомы Аквинского это определение, ибо стремиться можно только к благу; благо есть то, чего желают, и желают всегда лишь того, что есть благо. Желать чего-нибудь значит желать блага. Поэтому нет никакого отдельного источника блага, благо есть лишь некоторый аспект бытия, ибо желают только того, что существует. Поэтому благо и бытие тождественны, а поскольку абсолютным бытием обладает лишь Бог, поэтому и абсолютным благом является лишь Он.

В своих поступках человек всегда стремится к благу, поэтому он всегда стремится уподобиться Богу. То есть всякое действие благо лишь постольку, поскольку оно стремится к Богу и поскольку в нем есть бытие. Бытие в мире есть присутствие в мире формы (ассимиляция Аристотеля Фомой Аквинским). Поэтому действие человека тем более благо, чем более оно соответствует форме человека — той форме, которая задана ему Богом. Форма же есть то, что можно постичь разумом, поэтому и каждый поступок является благом настолько, насколько он является разумным. Для Фомы Аквинского выстраивается еще одна цепочка тождеств: обладать бытием — быть разумным — быть моральным. То есть Фома сознательно и долго доказывает справедливость сократовского положения о том, что нравственным является только разумный поступок. Поэтому каждое действие является благом только тогда, когда соответствует Божественной воле.

Кроме разумных действий, у человека есть и действия, которые объединяют его с животным — страсти. Страсть — это не активное, а пассивное состояние души. Душа испытывает страсти вследствие того, что

соединена с телом. Душе самой по себе это состояние чуждо, но душе, соединенной с телом, это состояние вполне естественно.

Испытывать страсть — значит нечто получать. Испытывать страсть может лишь существо, которое чего-то не имеет. Поскольку Бог есть абсолютное бытие, чистая действительность, чистый акт. Он ни в чем не нуждается, поэтому в Боге нет и страстей. Во всем остальном бытии есть некоторая потенциальность, а следовательно и возможность для страстей.

Место пребывания страстей в человеческой душе — это пассивная часть души, способность желания (т.е., по Аристотелю, животная часть души).

Фома Аквинский предлагает развернутую классификацию страстей, основанную на классификации человеческих желаний. Все желания могут быть разделены на две большие группы: первые желания основаны на движении к обладанию желаемым предметом или, наоборот, на стремлении удалиться от него (эти желания Фома Аквинский называет вожделительными, как и соответствующие страсти). Есть желания, основанные на сопротивлении опасному предмету, или, наоборот, на преодолении трудностей для обладания этим опасным предметом (эти страсти и желания Фома называет страстями пылкости). То есть страсти делятся на две группы: страсти вожделения и страсти пылкости.

Есть другая классификация: страсти по отношению к добру и злу.

Все страсти, по Фоме, сводятся к следующему: страсти вожделения — это любовь, желание и радость (страсти по отношению к добру) и противоположные им ненависть, отвращение и печаль (страсти по отношению ко злу). Страсти пылкости — это пять страстей: с одной стороны, надежда и отчаяние (по отношению к добру), с другой противоположные им страх и отвага (по отношению ко злу). Отдельная, не имеющая противоположности страсть пылкости — это гнев.

Фома достаточно подробно останавливается на анализе страстей еще и потому, чтобы исследовать, насколько нравственным является каждый поступок человека. Отдельным вопросом для Фомы является вопрос о том, является ли страсть моральной.

Страсти в большинстве своем относятся к неразумным, а потому несвободным, а значит и неморальным действиям. Страсти находятся вне морали, ибо они не свободны. Однако страсть может стать причиной греха. Страсть, будучи укорененной в человеке, может стать причиной греха, поскольку человек может сознательно выбирать некое греховное деяние. Такой сознательный выбор греха Фома именует пороком. Но в целом воля выбирает зло лишь тогда, когда зло кажется ему добром: этот сократовский принцип Фома исповедует неизменно. Поэтому в конце концов причиной греха всегда является ошибка разума, которая возникает как раз вследствие страсти. Поэтому анализ страстей для Фомы является необычайно важным, чтобы помочь разуму избежать ошибок в своем действии и правильно оценивать поступки, ставить цели и найти правильный путь к спасению своей собственной души.

Правильно судить разуму страсти мешают вследствие трех причин: или рассеянности, или настойчивости страсти, или из-за телесных изменений. Если эта страсть приводит к некоторым телесным изменениям, в результате чего человек не может делать некоторые произвольные действия и действия его становятся непроизвольными (как, например, в результате болезни человек теряет рассудок и совершает греховные с точки зрения здравого смысла действия, которые не могут считаться грехом, ибо человек не свободен).

Есть и другая страсть — та, к которой человек стремится добровольно. Как указывает Фома, пьянство есть грех, ибо человек избрал этот порок добровольно. Этот грех воли, т.е. сознательный выбор греха, является самым страшным грехом человека.

Социальная философия

Способствовать нравственному состоянию человека, по Аквинскому, должно государство. Фома исследует различные концепции государства, насчитывая шесть форм (как и Аристотель) — три правильных и три неправильных. Первые — это монархия, аристократия и демократия, а неправильные — это тирания, олигархия (власть немногих) и охлократия (власть толпы), или демагогия, как называет ее Фома Аквинский, противостоящая демократии (демократию Аристотель называет еще республикой). Наиболее правильным типом государства Фома считает монархию, поскольку она соответствует тому, что есть в природе. У человека есть одна душа, и он управляется этой душой; миром правит один Бог, поэтому и государством должен править один правитель.

Поскольку монархом христианского государства может быть лишь Сам Бог, т.е. наш Господь Иисус Христос, Который приводит людей к небесной славе, делая их Божьими детьми, поэтому и истинной властью в государстве должен обладать не простой светский царь, а царь, имеющий священнический сан, т.е. папа римский. Поэтому для Фомы Аквинского идеальным государством является католическая

форма теократия (власть церкви), когда во главе государства стоит папа римский — верховный первосвященник, выполняющий волю Царя Небесного, т.е. Бога.

Основные направления адаптации Аристотеля к христианству проходили в доминиканском ордене трудами одного из наиболее выдающихся доминиканских монахов Фомы Аквинского. Однако и монахи францисканского ордена — другого мощного ордена католической церкви Западной Европы, в каком-то смысле конкурирующего с доминиканцами, также искали новые методы учения в новых условиях после аверроистского кризиса, когда пробуждался интерес к научному знанию, к рациональному постижению мира.

Мы рассмотрим трех основных представителей францисканского ордена: Роджера Бэкона. Иоанна Дунса Скота и Уильяма Оккама.